

явился спектакль, — станет ясен масштаб личности, масштаб таланта. Той самой индивидуальности, о которой говорилось.

В Игоре Охлупине почти нет того внешнего блеска, той "звездности", что проявились в его товарищах по сцене другого поколения (так уж сложилось, что десять лет разницы в возрасте принято считать границей поколений). Но, на мой взгляд, ни одна его роль не прошла незамеченной. Конечно, они были разными — более или менее удачными, но абсолютно в каждой работе остро чувствовались и огромное мужское обаяние, и сила, и ярко выраженное чувство собственного достоинства, и какая-то совершенно особая, едва ли многим присущая, несуетливость, неспешность постижения мира в себе и себя в мире.

Удивительным образом сказались эти черты в давнем спектакле "Плоды просвещения" — когда ими был наделен беспросветно темный мужик, это стало до слез смешно. Но именно — до слез.

Не так много сохранилось в памяти ролей Игоря Охлупина, в которых, несомненно, присутствовало ему романтическое начало раскрывалось бы в полной мере. Трагически-романтическое, если говорить точнее. Такое, каким был наделен его Морозко в "Разгроме". Но тем счастливее становятся те мгновения в одной из последних работ артиста, в спектакле "Театральный романс", когда это утраченное почти полностью сегодня качество внезапно являет себя. И тогда вспоминаются очень давние роли Охлупина, которые уже стали страницей истории Театра имени Вл. Маяковского.

Три юбилея трех звезд в самом начале сезона. Если бы они вышли сегодня на сцену все вместе, в одном спектакле...

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ

Экран 4

сцена -
1998. - сент.
(~34-35.) - 46,
7

Начало театрального сезона для каждого театра — радость. Даже в невеселые времена. Может быть, и вопреки этим невеселым временам. Конечно, неизвестно, как (на какие средства) воплотятся заветные мечты, но все равно остается надежда на то, что непременно воплотятся. В конце концов нам не привыкать к тому, что главное в театре — не роскошь постановки (хотя в последние два-три сезона многие театры именно этим ошеломляли), а следы "уходящей натуры" — жизни человеческого духа. Следы, которые с тем большей жадностью мы ловим, чем с большей очевидностью они истаявают.

Случилось так, что Театр имени Вл. Маяковского открыл свой юбилейный 75-й сезон, тремя юбилеями. Круглыми датами тех артистов, которых, может быть, мы и любим так верно и нежно, так преданно и сильно именно за то, что в сыгранных ими персонажах, какими бы они ни были, ощущается личность их творцов. Ощущается то почти реликтовое качество, которое зовется "индивидуальность".

Наталья Гундарева. Игорь Костолевский. Игорь Охлупин.

С каждым из этих имен связано для нас многое: минуты и часы упоительных открытий, острых переживаний, слез, смеха, радости, порой и досады, что этому таланту да другой бы материал. Только, пожалуй, одного из многообразных человеческих чувств никто из них никогда не вызывал: равнодушия.

Перечислять сыгранные ими на сцене Теат-

Если бы звезды сошлись

ра имени Вл. Маяковского за десятилетия работы роли — дело бессмысленное, потому что в воспоминаниях каждого зрителя цепко удерживается то одно, то другое, почти никогда не подчиняясь хронологии. И, может быть, одно из самых драгоценных свойств нашей памяти в том и состоит, что, называя спектакль, мы вызываем из глубин некую "картинку", чем-то для нас эмоционально окрашенную. Для каждого — своим.

"Леди Макбет Мценского уезда". Катерина Измайлова с миской отравленных грибов в руках поднимается по лесенке туда, где ждет ужина ее ненавистный свекор. Ее глаза. Ее походка. Ее первая готовность к цепочке преступлений во имя любви. Неистойвой, "нецивилизованной", но такой сильной, что она поистине сильнее, чем смерть.

Или выкрик Люськи из "Бега": "Чарнота, купи себе штаны!.." — выкрик в прошлое, к которому никогда уже не возвратиться. Или словня грация Липочки из "Банкрота" и ее звериная ненасытность к деньгам, тряпкам, символам благопристойности и благополучия. Или неукротимое обаяние и жизнелюбие свахи из "Жертвы века" — даже корысть ее кажется какой-то нестрашной. Или прелестная женственность Марии Огневой, которая ради будущего своего театра на все пойдет. Или безудержный полет фантазии Летиции, давно и навсегда перепутавшей, где кончается придуманное и начинается реальное, из "Любовного напитка". Или... или... или...

Вспоминая работы Игоря Костолевского, наверное, каждый все-таки припомнит в первую очередь блистательного офицера-декабриста Ивана Анненкова из фильма "Звезда пленительного счастья", а уж потом — театральные роли артиста. В этом есть своя логика — какой бы несправедливой она ни была. В "Звезде пленительного счастья" произошло точное попадание — красота, аристократизм, обаяние артиста удивительным образом наложились на реальную историю романтической любви и отнюдь не романтических страданий тех, кого по праву называли цветом нации. Но если вдуматься в то, что именно эти черты послужили задаче прямо противоположной в спектакле "Смотрите, кто пришел!", где Игорь Костолевский блистательно сыграл тип "грядущего хама", в полной и страшной своей мере раскрывшийся чуть позже, чем по-